

Возная Л. Ю.

ХРИСТИАНСТВО КАК ФИЛОСОФИЯ АБСУРДА

Христианский период истории, исчисляемый «нашей эрой», можно было бы охарактеризовать как эпоху абсурда: мудрый Сенека воспитал беснующегося Нерона; любвеобильные христиане устроили Варфоломеевскую резню; Александр II-освободитель погиб от рук борцов за освобождение народа; К.Маркс, раскритиковавший общество, где человек – всего лишь придаток машины, украсил своим бородатым ликом изобразительные святыни общества, где человек – ничто. Список можно было бы продолжить, но всё это – лишь бледные мазки на холсте истории по сравнению с сюжетом, повествующем о том, как люди распяли Иисуса Христа – события, по сути, абсурдном и поэтому являющемся своеобразным эпиграфом к самой эпохе абсурда.

В истории Христа мы наблюдаем целый каскад абсурдов – событий и явлений, совершенно бессмысленных с точки зрения здравого человеческого разума. В этом каскаде вырисовываются три потока абсурдного. Первый связан с поведением Христа в глазах обывателя: абсурдным кажется Христово всепрощение, его отношение к блуднице, его величайшее смирение, любовь к людям, не прекращающаяся даже тогда, когда так им возлюбленные избивают его и смеются ему в лицо. Следующая цепь абсурдов тянется через восприятие самого Христа. Прежде всего это предательство людей, которые его окружали и которым он непосредственно дарил свою любовь, отступничество апостолов, предательство Иуды, отречение Петра. Нелепо обвинение Христа в его притязании на трон Иудеи: в жажде власти обвиняют того, кто её жаждет меньше всего. Абсурдным и в то же время символичным является то, что Христа распинают рядом с обыкновенным разбойником. Обычный человек, пройдя череду таких событий, возопил бы о том, что Небо несправедливо к нему, что Оно смеётся над ним: чувство несправедливости достигает здесь своего предела.

Но на этом перечень абсурдов не кончается. Кульминацией абсурдного представляется сама сцена распятия. С одной стороны, она поражает своей обыденностью: Христа избивают и распинают на кресте рядом с обыкновенным разбойником, который к тому же оказывается живучее божьего сына, а потом кучка солдат делит Христову одежду. И никто в этой суетливой толпе не заметил главного: ведь был распят Бессмертный, Бог! Что на самом деле должен был думать Христос, умирая на кресте и зная о своём воскрешении? У него были все основания посмеяться над ликующей чернью, которая возомнила, что сумела убить того, кто называет себя Богом. Во всяком случае, Некто, именуемый себя Князем Тьмы, наблюдая сцену распятия, вполне мог расхохотаться, обвинить Христа в лицемерии и великолепно скрываемом великом презрении к людям, и, таким образом, уравнивать себя и Его:

Я – твой брат непокорный, отвергший смиренье.
Ты вернулся к Отцу, я же дом его кинул.
Ты – любя, я же мир этот встретил презреньем.
Ты блаженно воскрес, я ни ожил, ни сгинул.

Жалкий люд обозвал мою гордость паденьем.
Ибо сам он в пыли и не может подняться.
Им распятый – ты знал о своём воскрешенье.
Неужели тебе не хотелось смеяться?

Я тогда хохотал истерично и долго.
О, великий артист! На кресте умирая,
Ты заставил поверить в бессилие бога,
И напрасно кричал я, что боги играют.

Толпа жаждала распятия, дабы узреть чудо. Она жаждала зрелища. Она его получила. Комедия была проиграна до конца. На самом деле толпа получила самое грандиозное шоу в истории человечества: она увидела убитого бессмертного. Таким образом, христиане, поклоняющиеся распятию, на самом деле молятся на притворяющегося Бога. Или же они молятся на мёртвого Бога.

В стремлении христиан лобызать, созерцать распятого Христа, вкушать от его крови и плоти угадываются признаки никрофилии, за которыми просвечивается желание видеть поверженного Бога! Вся христианская эпоха пронизана любованием смерти. Миллионы христиан, целующих распятие, целуют, по сути, смерть! Христианское искусство изобилует изображениями сцены распятия, распятого, положения во гроб, гвоздей в теле, крови и кровоподтёков, плачущих Марий и Магдалин. Почему Церковь украсила свои алтари изображением мёртвого Христа? Не продемонстрировала ли она тем самым своё желание убить Бога, то, что Бог, на самом деле, как и человек, слаб и немощен. Теперь с богом можно быть на равных, его можно похлопать по плечу и продать за 30 серебряников. Более того, - теперь Бог даже слабее человека. Бога теперь можно убить. Освятив образ распятого, не формировала ли Церковь в подсознании масс образ поверженного бога? Не убило ли христианство веру в Бога подобно тому, как легенда о Христе убила Христа? И нельзя ли в конечном счете прийти к выводу, что на самом деле христианство – это отрицание Бога, христианство – это предтеча атеизма?

Почему искусство не воспело воскрешение Христа из мёртвых? Не потому ли кладовая шедевров мирового искусства не пестрит подобным сюжетом, что, воскреснув, Христос, несмотря на свою любовь к людям, покинул их? И, изображая воскресшего Христа, пришлось бы изображать его спину? Христос прощал, лечил, воскрешал и – как результат – “Распи его”! В этой легенде – великое презрение к человеку. Христа предают даже ближайšie сподвижники. Кому же тогда можно довериться? **Две тысячи лет люди носились с этой идеей и доказывали своё ничтожество.**

То, что Христа убивает толпа, – поражающий символ надвигающейся эпохи – эпохи индустриализма, эпохи толпы, эпохи с идеалами равенства, неаристократичной по сути, эпохи общества массового потребления и массового сознания, способного уничтожить наивысшие ценности и растоптать всё самое лучшее, самое совершенное. Толпа не признаёт неравенства, чьего-то инакомыслия, инакодействия. Толпа не признаёт бога. Признать бога – значит признать собственную слабость, ограниченность и несовершенство. Толпа сама себя мнит и чувствует богом: сокрушая всё на своём пути, она пытается сокрушить и бога.

На самом деле **Христос представляет собой тип совершенного гения.** Его путь, как путь всякого гения, – это путь самоотдачи, непризнанности и терний. Наиболее совершенно то, что есть чисто энергия, излучающее, отдающее (энергию). Берущий, поглощающий, только принимающий (энергию) в большей мере зависит от донора, дающего, то есть менее свободен. Чисто отдающий – не зависит ни от кого. Таковым типом совершенного и является Бог.

Путь Христа – это вызов рациональному миру. С точки зрения рядового иудея бескорыстность Христа не могла быть просто сама по себе, за ней непременно должно было скрываться нечто грандиозно корыстное. И поскольку Христос собирал последователей, очевидной становится подоплёка его бескорыстия. Таким образом, непонятное бескорытие рациональность объяснила тем, что Христос ищет поддержку для воцарения на престоле Иудеи.

Рациональность поведения, скорее, характерна не для людей, много думающих. Всякий гений – скорее, иррационален. Гений как человек познающий, истинный философ, стремясь постигнуть суть вещей (вещь в себе), рассматривает оные со всех сторон и поэтому, как правило, занимает позицию, отличную от той, которую занимает большинство, не стремящееся к подобному постижению. С точки зрения этого

большинства, позиция «человека мыслящего», находящегося «по ту сторону» – всегда неразумна, нерациональна. Смерть бессмертного – из той же сферы иррационального. Здесь подозревается тонкая игра великого артиста. Однако, **в каждом великом философе прячется великий артист.** Великий артист, погружаясь на сцене в различные образы, познаёт мир во всех его гранях. Не то ли самое делает человек, непосредственно познающий, – философ, гений? Но философ – это тип ещё более совершенного артиста, так как срывает аплодисменты богов.

Рациональное поведение – это прежде всего стремление к личной выгоде, а точнее – к самосохранению. Суть иррационального – в стремлении познать мир, заглянуть в него изнутри, а фактически – осматривать вещи (явления) со всех сторон. Последнее представляет собой подобие саморассеивания, хаоса, то есть – отрицание самого себя, своей целостности и, таким образом, отлично от рационального стремления к самосохранению.

С одной стороны, сама же легенда о Христе отражает тупиковость такой морали, тупиковость позиции смиренного и бесконечно отдающего. «Прощать других» обращается в конце концов в «не прощать себя». В противостоянии между мною и миром, если мир – прав, я – автоматически неправ. Отсюда – самобичевание, саморазрушение. Чем больше прощаем другим – тем больше чувствуем себя виноватыми, тем больше становимся грешниками! И тогда мы должны уйти из этого мира, мы просто выталкиваемся из него. Кто занимает позицию всепрощения, все терпимости, должен быть готовым к тому, что мир его выплюнет, как скопище зла (абсорбировавшего в себя зло мира). Таким образом Христос принял грехи мира на себя. Но мир от этого не становится менее грешным. Грешником становится всепрощающий. В этом и разрешение парадокса, когда Христос оказывается распятым рядом с обыкновенными разбойниками. **Любить – значит быть готовым к распятию (быть распятым) теми, кого любишь. Вот высшая логика христианства.**

Взгляд на сострадание как признак декаденса типичен для Ф.Ницше. Однако сострадание можно мыслить и в совершенно обратном значении. Сострадание – это признак силы, свойство как раз Сверхчеловека, у которого так много силы (больше, чем у большинства), что он может поделиться ею с кем-то другим. Может быть, перед таким человеком проблема выживания уже не стоит. Но отсутствие такой проблемы не обязательно свидетельствует об упадке такой личности (начало гибели). Скорее, здесь наблюдается избыток, который выплёскивает за пределы этого мира.

Абсурд – это прежде всего порождение столкновения ограниченности нашего разума и безграничности мира, созерцание части без целого. Чтобы узреть это целое, разуму необходимо раздвинуть пределы пространства и времени. Абсурд – там, где терпит поражение разум, признавая свою ограниченность. Ощущение абсурда приходит с ощущением несправедливости. В ощущении абсурда слышится смех богов, ибо мир, созданный ими, представляется жалкой бессмысленной комедией. Но таким же образом мы прислушиваемся к Небу и, в конце концов, постигаем, что абсурд – это язык богов, это двери в неизвестное.

То, что мир творился из Ничто, по своей сути есть величайший абсурд. Христианский Бог есть беспредельность, поэтому он в то же время есть изначальная несправедливость. Справедливость – она же не-абсурд, а с ней и проблема справедливости происходит из ограниченности. Там, где есть избыток – проблема справедливости не стоит. Поэтому Бог и прощает. Он способен простить, ибо не знает справедливости. Принять это – означает суметь подняться над обыденным. Вера предполагает внутренний рост через умение превозмочь непонимание, смирившись перед лицом абсурда и читая в нём высшую волю. Верить в христианского Бога – значит поверить в чудесное, в невозможное. Абсурд, существовавший на кратком временном отрезке – смерть бессмертного – был разрешён на промежутке времени, более протяжённом: Христос воскрес.

Не-абсурд предполагает замкнутость, абсолютную упорядоченность, отсутствие хаоса. Таким образом, абсолютно упорядоченная и замкнутая система несовместима с христианским богом. Поэтому и идеальный социализм как «закрытое общество», отрицающее хаос (капитализма), неизбежно выбрасывает христианскую идеологию на свалку, провозглашая атеизм. Христианство – это символ эпохи, характеризующейся деструкцией закрытого общества с его системой ценностей. Христианство – это философия открытого общества, нестатичного, изменяющегося, обновляющегося. История Христа – это история всякого гения, способствующего такому изменению, раздвигающего пределы существующего и, фактически, бросающего вызов традиционному обществу. В этом смысле церковь и государство как институты власти и иерархии взаимоотношений – по сути своей противостоят христианской религии. Поэтому история христианской церкви – это в то же время история абсурдов и противоречий, когда идея любви насаждалась силой. Поэтому христианство под покровительством государства заведомо проповедует ложь.

Венцом христианской эпохи явилось «освобождение духа», победа идеологии либерализма. Технологические успехи капитализма – это не успех философии Бентама, не индивидуальное стремление к максимизации личного блага и прибыли. Там, где экономия (сутяжность!) – там нет нового, нет творчества. Проповедуя и ратуя за мировоззрение «homo economicus», мы проповедуем неизменяемый, не-творческий мир. Победа идеологии капитализма – это прежде всего победа идеи свободы. У истоков всякой революции, в том числе технологической, – дух Христовой жертвы, самоотверженности, а не обогащения. Парадокс истории заключается в том, что плодами таких прорывов пользуются не творцы, а их гонители.

История Христа приоткрывает нам природу абсурдного: то, что лежит в его основе, и то, как этот абсурд преодолевается. Принимая абсурд, мы обретаем бесконечность. Абсурды – это вехи на пути познания. Кто способен их принять, продвигается дальше. Кто идёт по пути знания, в неизвестное, тот обречён на абсурды. Такова участь гения. **Муки Христа – это муки гения перед лицом абсурда.** Ответом Христа на абсурд явилось величайшее смирение. В истории распятия мы наблюдаем совершенный путь принятия абсурдного. Однако, получив терновый венец на голову, Христос обретает бессмертие, он смотрит в лицо Вечности. Следуя по пути абсурда, человек уподобляется Богу.

Что на самом деле таит в себе христианская мораль – смирение или бунт, любовь или ненависть, развитие или регресс? Похоже, она таит в себе с избытком всё. Это всё делает христианство противоречивым и абсурдным до предела. Оно связывает человека напрямую с Богом и в то же время уводит его в такие тупики, выход из которых возможен лишь взрывом катастрофы. Наша эпоха – это эпоха ускоренного развития, но она же – эпоха великих противоречий, великого напряжения, великого абсурда. Но, быть может, глядя в лицо Абсурдного, современное человечество стоит на пороге вечности...